

БЕГСТВО РОГАТЫХ ВИКИНГОВ

Про викингов рассказал мне Серёжка Волошин, рассудительный и спокойный человек двенадцати лет. Я жил тогда в подмосковном городке, и Серёжка был моим соседом.

Улица наша называлась Крепостная. Дело в том, что в давние времена, когда по полям шастали орды кочевников, здесь стояла крепость. Небольшая, деревянная, с бревенчатыми восьмиугольными башнями. Потом она сгорела. Остался только земляной вал да овраг, который раньше был крепостным рвом. Да ещё название улицы напоминало о старине.

Вал густо порос одуванчиками. В овраге росла крапива, булькал ручеек и жили стрекозы и лягушки. На Крепостной улице жили мальчишки.

Конечно, были там и взрослые, но речь главным образом пойдёт о мальчишках.

Улица была широкая, но тихая. Машины по ней не ходили, потому что она упиралась в овраг. Дорога заросла, и даже сквозь узкий асфальтовый тротуар пробивались лопухи. Домики прятались в палисадниках с сиренью.

Сами понимаете, что такая улица — рай для футболистов.

Серёжка возвращался поздно вечером и на кухне, сдержанно кряхтя, начинал заклеивать пластырем ссадины на ногах.

— Ну и побоища у вас, — сказал я однажды. — Каждый раз с отметинами приходишь.

Серёжка, вытянув шею, пытался облизать ссаженный локоть.

— Подумаешь... побоища, — ответил он. — Какие это... побоища... Чушь... Вот в прошлом году...

И, лизнув, наконец, локоть, поведал эту историю.

В конце июня их осталось пятеро. Почти все «овражники» — ребята с этого конца — разъехались кто куда: в лагерь, к бабушкам, на юг, а один даже в тайгу с отцом-геологом.

А из компании Тольки Самохина никто не разъехался. Или сговорились, или случайно так получилось, но их, как было, так и осталось шестнадцать, не считая всякой мелкоты.

У Серёжки и его друзей никогда не было прочного мира с Толькиной компанией. Кто тут виноват, сказать нелегко. Однако все отмечали, что Самохин — человек въедливый и злобредный. Он ко всем придирался и никогда ничего не прощал. Серёжке он, видно, не мог простить, что тот не подчиняется. Не считает его, Тольку, за командира в здешних местах, а сам имеет «армию». Правда, Серёжкина армия была не такая большая и воинственная, но пока она была в сборе, могла постоять за себя. И вдруг неприятность — разъехались!

Те, кто остался, жили в одном дворе. В двухэтажном доме — мальчишки, а в маленьком, в глубине двора, — девчонка Виктория. Или попросту Вика. Одноклассница Сергея.

Викины родители были путешественниками. Они не поднимались на снежные вершины, не искали рудные залежи и не раскапывали в песках древние города, они просто ездили. Каждый отпуск они проводили с туристическими группами то на Чёрном море, то в Ленинграде, то на Волге. А воспитывать Вику приглашали папину сестру Нину Валерьевну.

Нина Валерьевна была худая, длинноносая и печальная женщина. То, что она тяжело больна, подразумевалось само собой. Это все знали, когда ещё Виктории на свете не было. А если кто-нибудь спохватывался и пытался узнать о её болезнях подробнее, Нина Валерьевна медленно и выразительно поднимала глаза на невежу. «Как же вам не стыдно? — говорил этот взгляд. — Мучить бедную женщину, жизнь которой висит на паутинке!» И невеже становилось стыдно.

Чтобы окружающие не забывали о её страданиях, Нина Валерьевна постоянно сообщала: «Ах, как у меня болит голова». Фразу эту она произносила регулярно через каждые четыре с половиной минуты.

То, что ей приходится воспитывать Вику, Нина Валерьевна считала подвигом. Она так и говорила: «Надеюсь, люди когда-нибудь поймут, какой подвиг я совершаю».

Может быть, Викины родители это понимали, но они были далеко. А Вика не понимала.

— Уик-то-о-риа-а! — на иностранный манер голосила по вечерам Нина Валерьевна. — Пора домой! Слышишь?! Все нормальные дети уже спят! Уик... (Ах, как у меня болит голова!)...: ториа! Не заставляй меня снова принимать валокордин!

— Выходит, я ненормальная? — шептала в каком-нибудь укрытии Вика. — Ну и отлично. Тогда мы ещё погуляем. Ага, мальчики?

Как все нормальные девчонки, Вика гоняла с ребятами футбол, временами дралась, ныряла с полузатопленной баржи и никогда не забывала, что она девочка. Довольно часто Вика появлялась во дворе в модном сарафане или платье и вопросительно поглядывала на ребят. Мальчишки понимали девчоночью слабость и сдержанно хвалили обнову. Платья и сарафаны Виктория кроила из прошлогодних туристских нарядов матери и шила на расхлябанной швейной машине, которая постоянно ломалась.

Чинили машину братья Дорины.

Братья были близнецы. Но ничуть не похожие. И это, пожалуй, хорошо. Говорят, одинаковые близнецы не умеют жить мирно, а белобрысый Стасик и худой тёмноволосый Борька жили душа в душу. И увлечения у Дориных были одинаковые. Больше всего они любили книжки про технику и роботов. Дома у них был механический кот для ловли мышей, звали его Меркурий. Правда, ни одной мыши он не поймал, зато бросался под ноги гостям и хватал их за ботинки железными челюстями...

Ещё в этой компании был первоклассник Джонни. Вернее, даже не первоклассник. В школу он лишь собирался, а пока ходил в «подготовишку» — самую старшую группу детского сада. Но ведь те, кто, например, только перешёл в пятый класс, тут же называют себя пятиклассниками, не дожидаясь новой осени. Вот и Джонни не стал ждать.

Имя Джонни было ненастоящее. Вообще-то его звали Женька. Но Женькин язык имел маленькую странность: не умел выговаривать бук-

ву «Ж». Получалось «ДЖ». Вместо «железо» Женька говорил «джелезо», вместо «жулик» — «джулик». И себя называл Дженькой. Но что за имя — Дженька! Вот и переделали в Джонни.

Детсадовскую жизнь и порядки Джонни холодно презирал. Он отлично умел читать, знал, как устроены космические ракеты и электропробки, и терпеть не мог всякие хороводы и «гуси-лебеди».

В группу Джонни являлся в выцветшей футболке и потрёпанных тexasских штанах с мордастым ковбоем на заднем кармане. Техасы подметали бахромой паркет и пылили, как мотоцикл на деревенской улице. Воспитательницу Веру Сергеевну этот костюм доводил до истерики, но Джонни оставался спокоен. Во-первых, Вера Сергеевна была его двоюродной сестрой, во-вторых, он никогда не унижался до споров с начальством. Если жизнь в группе становилась нестерпимой, он просто брал под мышку «Сказки братьев Grimm» и уходил к малышам. Малыши смотрели на Джонни, как новобранцы на прославленного генерала. А их воспитательница на него чуть не молилась: Джонни избавлял её от многих забот.

Ребят из младшей и средней групп Джонни любил.

Конечно, они были народ необразованный, но это по малолетству, а не по глупости. И носов они не задирали. А как они слушали сказки!

Малыши верили в Джонни и чуть что — бежали к нему. И в тот воскресный день, когда викинги совершили первое преступление, два пятилетних гонца отыскивали Джонни.

А Джонни отыскал друзей.

Серёжка, Виктория, Стасик и Борька сидели на верхней перекладине забора, которая называлась «насест». Это было их любимое место. Они сидели и бездельничали. Хмурый Джонни влез на насест и сообщил:

— Самохин опять пиратничает...

— Что? — напружиненно переспросил Сергей.

— Понаделали всякого оружия и на всех лезут. У Митьки Волкова и Павлика Гаврина плотину сломали. Они её в овраге на ручье делали, а они растоптали.

— Шакалы! — искренне сказала Вика. — Нашли на кого нападать!

Серёжка прищурился и медленно произнёс:

— Думают, если Санька уехал, Митьку можно задевать...

Санька был братом пятилетнего Митьки и другом Сергея.

— Пошли, поговорим с ними, — деловито предложил Борис.

— Их шестнадцать, — сказал Джонни. — И мечи, и щиты, и копья. Вот они скоро здесь проходить будут, увидите.

И правда, через минуту раздался дружный топот и брелчание. Топала Толькина компания, а брелчали доспехи.

— Укройсь, — велел Серёжка. Они прыгнули с забора и прильнули к щелям.

По дороге шло грозное войско.

Необычный был у войска строй. Впереди шёл один человек, за ним два — плечом к плечу, потом шеренга из трёх, за ней — из четырёх. А дальше снова шли три, два и один. Получался остроконечный четырехугольник — ромб.

Каждый воин держал громадный, как цирковая афиша, щит, который закрывал хозяина

от щиколоток до плеч. Все щиты смыкались краями и опоясывали строй, как сплошная броня.

Но удивительней всего оказались шлемы. Чего здесь только не было! Ржавые каски, кастрюли с прорезями для глаз, колпаки от автомобильных фар, алюминиевые тазы. И каждый шлем был с рогами! Рога из железных трубок, из проволоки, из жести — припаянные, приклепанные, прикрученные — торчали грозно и вызывающе.

Самохин шёл первым. На нём сверкал никелированный чайник. Из носика чайника получился отличный рог. Второй рог — такой же — припаян с другой стороны. Крышка, видно, тоже была припаяна. Чайник закрывал лицо до подбородка. На блестящем металле чернели прорезы для глаз.

Над щитами, над шлемами гордо подымались копья. Мочальные хвосты и пёстрые флажки реяли у наконечников.

— Ну и стадо, — сказала Вика.

— Смех смехом, а не подступишься, — возразил Борька. — Даже из рогаток не прошибешь.

В середине строя, за щитами, дробно стучал металлический барабан.

— Понятно, — зло сказал Серёжка. — Начался Самохин про викингов. Есть такая книж-

ка — «Чёрный ярл». Слыхали, кто такие викинги? Это морские бродяги были, вроде пиратов. Давно ещё. Они в Скандинавии жили, где сейчас Швеция и Норвегия... В пешем строю они всегда таким ромбом ходили. Закроются с четырёх сторон щитами — и не подступишься. И шлемы у них рогатые были, чтобы страх нагонять.

— Ну и страх! Потеха одна! — громко заявила Вика. — Что-то вы побледнели, мальчики. Животы в порядке?

— Уикториа-а! — укоризненно протянул Стасик. — Зачем ты так говоришь? Не заставляй нас принимать валерьянку.

— А ярл — это кто? — спросил Борис.

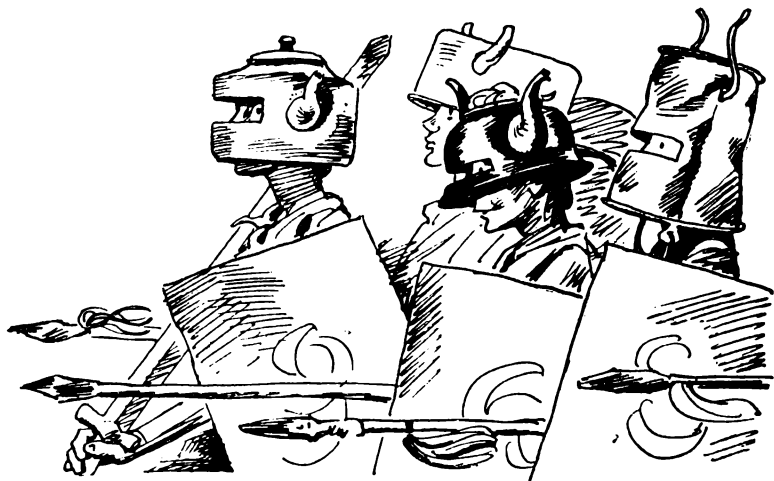
— Это значит вождь, — объяснил Серёжка. — Вроде князя.

— Он негр? — поинтересовался Джонни.

— Почему?

— Ну, раз чёрный!

— Да это прозвище. Тоже для страха.

— А ярла в чайнике мы тоже боимся? — спросила Вика.

— Мы его вечером поймаем,— решил Серёжка. — Когда будет без чайника.

Только Самохина друзья повстречали у входа в летний кинотеатр. Толька хотел попасть на двухсерийный фильм про трёх мушкетёров. Но не попал. Его прижали спиной к решётчатой ограде, над которой поднималась трёхметровая фанерная афиша. На афише д'Артаньян ловко раскидывал длинной рапирой целый взвод кардинальских гвардейцев, но Тольке от этого было не легче.

— Поговорим? — сказал Серёжка.

— Четверо на одного? — сказал Толька.

— А разве много? — язвительно спросила Вика. — Вас-то сколько было, когда плотину у двух малышей раздавили?

— Мы? Раздавили?

— А не давили, да?

— Мы по ней только через ручей прошли! У нас на той стороне тактические занятия были! Мы что, знали, что она сломается?

— Думать надо было, — наставительно сказал Борька.

— Головой, — добавил Стасик.

— А у него не голова, — произнёс остроумный Джонни. — У него джестянка с рогами.

— Ты мои рога не тронь, — мрачно сказал предводитель викингов.

— Можно и потрогать, — заметил Серёжка.

— Четверо на одного?

— Пятеро!! — взвился уязвлённый Джонни. Только сейчас он понял, что Самохин не желает его даже считать. — Вот как вделаю по уху!